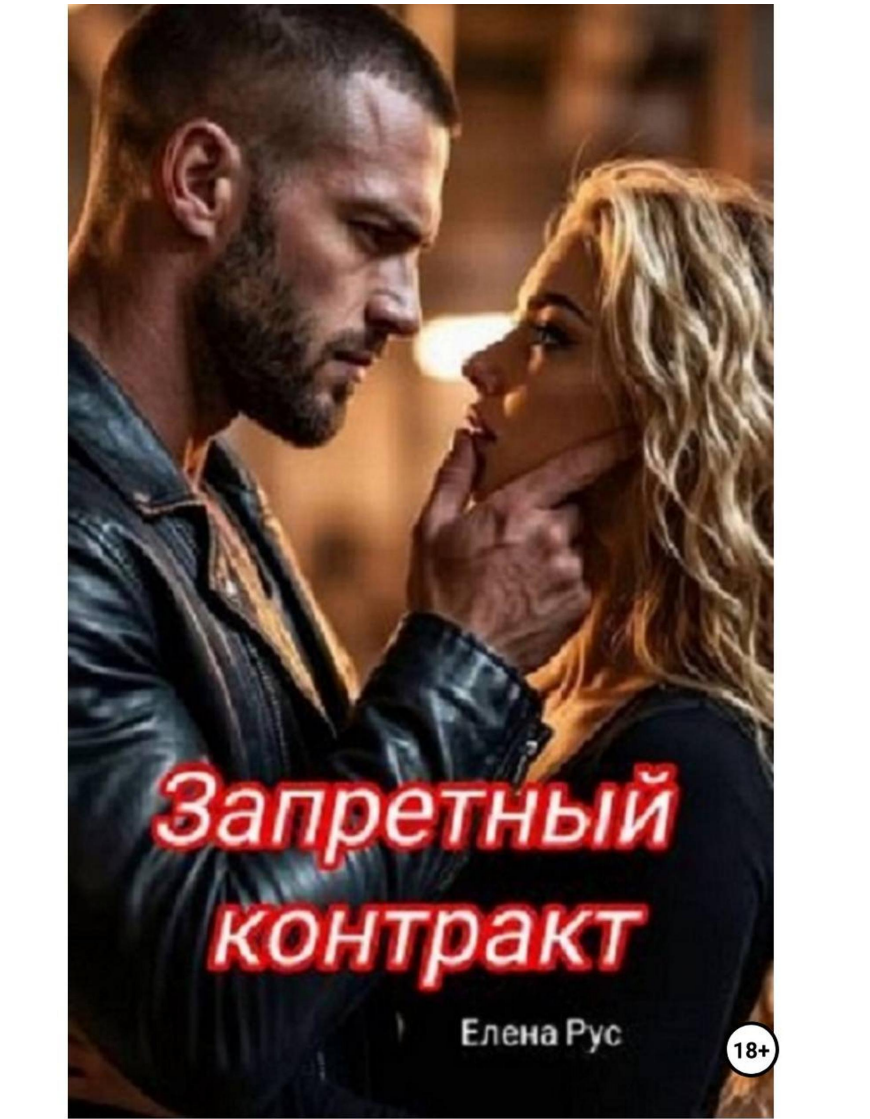

A man with a short beard and a woman with blonde wavy hair are shown in profile, facing each other. The man is wearing a black leather jacket and has his hand near the woman's face. The woman is also wearing a black leather jacket. The background is blurred with warm, golden light.

Запретный контракт

Елена Рус

18+

Елена Рус

Запретный контракт

<https://litres.ru/74490474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда она подняла руку и перебила меня, я на секунду забыл, где нахожусь. Не потому, что она была неправа, она была права, чёрт возьми, и это раздражало ещё больше. А потому, что она не боялась. В кабинете, полном людей, которые годами учились не смотреть мне в глаза, она смотрела прямо. Без дрожи, без заискивания, без попытки угадать, какой ответ мне понравится.

- Простите, Демьян Алексеевич! - её голос был твёрдым, но не грубым. - Но пункт о досрочном расторжении контракта противоречит не только внутренним регламентам, но и статье Гражданского кодекса. Мы не можем так рисковать.

Тишина, которая повисла после её слов, была не просто тишиной. Это была пауза, в которой что-то сломалось. Что-то во мне. Я привык, что меня либо боятся, либо пытаются подкупить, либо льстят. А она она просто делала свою работу. И делала её лучше, чем половина моих юристов.

Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри просыпается что-то давно забытое, не гнев, не раздражение, а интерес. Живой, настоящий..

Содержание

Глава 1 Демьян	4
Глава 2 Ариадна	7
Образы героев	11
Глава 3 Демьян	13
Глава 4 Демьян	19
Глава 5 Ариадна	24
Глава 6 Ариадна	28
Глава 7 Ариадна	32
Глава 8 Ариадна	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Рус

Запретный контракт

Глава 1 Демьян

Тридцать пять лет. В этом возрасте у кого-то уже третий ребёнок и ипотека, у кого-то тихая жизнь в пригороде и вечера у камина. У меня империя, которую я строил из осколков чужих ошибок и собственных бессонных ночей, и пустота, которую я научился маскировать под успех.

Я помню тот день, когда всё началось. Мне было двадцать два, и я стоял в прокуренном офисе на окраине города, где пахло пылью, дешёвым кофе и отчаянием. Это был не офис, это была каморка, которую я снял на последние деньги, чтобы зарегистрировать компанию. Тогда у меня не было ни связей, ни капитала, ни даже уверенности, что я не проснусь через месяц с пустым счётом и чувством, что всё это было глупо. Но у меня было одно: злость. Злость на тех, кто говорил, что я слишком молод, слишком резок, слишком не умею ладить с людьми.

Я не хотел ладить. Я хотел побеждать.

Первые годы были как выживание. Я заключал сделки, которые другие считали самоубийственными, работал по двадцать часов в сутки, спал на диване в том самом офисе и

ел бутерброды, которые сам себе делал из того, что оставалось в холодильнике. Каждый контракт был битвой, каждый партнёр — потенциальным врагом. Я учился читать людей по выражениям, по тому, как они отводят взгляд, как сжимают ручку, как делают паузу перед словом «да». Я учился не доверять, и это меня спасло.

К двадцати пяти я уже мог позволить себе нормальный офис, костюм, который не пах вокзалом, и кофе, который не был растворимым. К тридцати я стал тем, кого конкуренты боялись упоминать в разговорах.

«Демьян не прощает ошибок!» — говорили они.

И это было правдой. Я не прощал ошибок, ни чужих, ни своих. Каждая из них стоила денег, а деньги — это кровь бизнеса.

Я стал акулой. Холодной, расчётливой, беспощадной. И в какой-то момент понял, что вокруг меня больше нет людей, только фигуры на шахматной доске. Партнёры, подчинённые, даже родственники — все они ждали от меня определённого хода, определённой реакции. Никто не спрашивал, как я себя чувствую. Никто не интересовался, что у меня внутри.

А внутри было пусто.

Я привык к этой пустоте. Она стала моим щитом.

Моё утро начиналось как обычно: резкий свет лампы, ледяной душ, чёрный кофе без сахара — ритуал, который должен был напоминать мне, что я всё контролирую. Но в по-

следнее время даже этот порядок трещал по швам. Теперь я не просто спускался в гараж, я проходил через цепочку проверок: охрана сканировала периметр, водитель осматривал машину, ещё двое шли впереди и позади, будто я не владелец империи, а мишень, которую пытаются уберечь от выстрела.

Неделю назад на меня было покушение. Не какая-то случайная разборка, не ошибка на дороге, холодный, расчётливый удар. Взрыв под днищем служебного авто. Я опоздал на пять минут, застрял на совещании, где кто-то упорно тянул время, споря о мелочах. Судьба, ирония или просто удача — не знаю. Знаю только, что в тот вечер я впервые за много лет почувствовал, как земля уходит из-под ног.

С тех пор тишина в моём кабинете стала другой. Она больше не была знаком власти, она была ловушкой, в которой любой шорох звучал как угроза. Я ловил себя на том, что прислушиваюсь к шагам в коридоре, анализирую интонации в голосе секретаря, ищу подвох в каждом «всё в порядке». Мир, который я построил, вдруг обернулся против меня, и я не мог понять, кто из тех, кто годами стоял рядом, теперь целился мне в спину.

И вот в этот момент, когда каждый день был похож на ходьбу по минному полю, появилась она. Ариадна.

Глава 2 Ариадна

Я всегда знала, что буду юристом. Ещё в школе, когда другие спорили о справедливости в спорах на переменах, я раскладывала аргументы по полочкам, «это не по правилам», «тут нет доказательств», «ты не можешь так просто взять и отменить решение».

Учителя улыбались, родители вздыхали, а я упрямо гнула свою линию. Для них я была умницей, отличницей, той самой девочкой, на которую все соседи кивали с одобрением: «Вон у Петровых дочка, вся в учёбе».

Мама работала медсестрой в районной поликлинике, папа мастером на заводе. Они не знали, что такое нетворкинг и связи, не ходили на светские ужины, и не пили кофе с нужными людьми. Но когда пришло время мне поступать, они сделали невозможное. Мама брала дополнительные смены, папа подрабатывал по выходным, а я сидела над учебниками до рассвета, потому что понимала, этот шанс, единственный. И я его не упущу.

Затем был лучший юридический вуз Москвы. Первые месяцы я ходила по коридорам, боясь дышать слишком громко. Вокруг были дети тех, кто уже владел миром, а я была девочкой из спального района, которая училась на стипендию и экономила на обедах, чтобы как-то выжить. Но я не сдавалась. Я зубрила кодексы, разбирала судебную практику,

сидела в библиотеке до закрытия и выходила оттуда с горящими глазами, и твёрдой уверенностью, я имею право здесь быть.

И вот мне двадцать пять. Диплом с отличием, куча грамот, стажировки в небольших конторах и ни одного достойного предложения. Везде звучало одно и то же:

«У нас штат укомплектован», «Мы ищем кандидата с опытом в крупных проектах», а между строк читалось:

«Нам нужны свои».

Я начала терять веру. Каждый отказ оставлял на душе маленький шрам, каждый ответ «мы вам перезвоним» звучал как приговор.

И вот однажды, меня всё-таки позвали на собеседование в компанию «ДемСтрой». Она была одной из крупнейших игроков в строительном бизнесе Москвы.

Огромная высотка в центре, охрана, сверкающий холл, лифт, который поднимался так быстро, что закладывало уши. Я шла по коридору, чувствуя, как дрожат колени, но держала спину прямо. И когда я вошла в кабинет генерального директора Демьяна Савельева и увидела его, что-то внутри меня щёлкнуло.

Он сидел за огромным столом, будто сам этот стол был тронem, и смотрел на меня так, словно я пришла просить милостыню, а не претендовать на должность ведущего юриста. Его репутация шла впереди него, жёсткий, грубый, напыщенный, человек, который, казалось, слышал только себя.

Но я не собиралась отступать. Я отвечала на вопросы чётко, без лишней воды, приводила примеры из практики, не лебезила и не пыталась ему понравиться. И, к моему удивлению, он кивнул:

«Вы приняты».

Первые недели в «ДемСтрое» были сложными. Я старалась не попадаться генеральному на глаза, но это было невозможно. Он был везде, на совещаниях, в коридорах, в каждом решении, которое принималось в компании. И каждый раз, когда наши взгляды пересекались, между нами пробежал электрический разряд, не от симпатии, нет. От противостояния.

Он любил давить авторитетом, швырять решениями, не давая никому и слова вставить. А я не могла молчать. Не умела.

Пять дней назад, на очередном совещании, он хотел подписать контракт, который, по моему мнению, был бомбой замедленного действия, поэтому я встала и сказала:

«Это противоречит статье 782 ГК РФ».

В зале переговоров повисла тишина, а я почувствовала, как по спине стекает капля холодного пота. Но я не опустила глаза. Я смотрела на него и ждала.

Мои коллеги смотрели на меня с ужасом и восхищением:

«Ты что, совсем его не боишься? Он же может тебя уволить одним словом!»

А я боялась. Ещё как боялась. Но ещё больше я боялась

стать той, кто молчит, когда знает, что правда на её стороне.

Постоянные притирки с Демьяном довели меня до нервного тика, лёгкого подёргивания века, которое я пыталась прятать за очками. Каждый раз, когда его имя мелькало в календаре совещаний, внутри всё сжималось. Но я продолжала идти вперёд, потому что знала, я здесь не случайно. Я заслужила это место. Но в тот же день, когда я посмела ему противоречить, он мне сделал предложение, которое впоследствии перевернуло мою жизнь.

Образы героев

Глава 3 Демьян

Месяц назад в юридическом отделе двое сотрудниц ушли в декрет. И именно те, на которых висела работа по основным нашим договорам с новыми клиентами. Это был не просто кадровый провал, это была бомба замедленного действия. Один сорванный контракт и мы теряли не только деньги, но и репутацию, которую я выстраивал годами.

Смирнов, начальник отдела, буквально рвал на себе волосы от отчаяния. Он притаскивал мне резюме одно за другим, будто надеялся, что я сам выберу того, кто сможет за неделю разобраться в нашей сфере, не задавая лишних вопросов и не развалив всё к чёрту. Когда подходящих вариантов уже не осталось, пришли последние три кандидатуры. Первая, с идеальным стажем именно в строительной сфере, с рекомендациями от людей, которых я уважал. Вторая, тихая, незаметная, из тех, кто делает работу и не отбрасывает тени. А третья... третья была Ариадна.

На собеседовании я смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается привычная волна раздражения. Слишком прямая осанка, слишком уверенный взгляд, слишком мало подобострастия. В моём мире такие люди либо сгорали за неделю, либо устраивали бурю. И я уже решил брать первую кандидатуру и вызвал Смирнова к себе:

«Бери первую, у неё опыт».

Но в последний момент что-то меня остановило. Может, то, как Ариадна чуть наклонила голову, когда я бросил сложный вопрос по спорному пункту договора. Не стала тянуть время, не стала мямлить. На секунду задумалась и ответила чётко, с отсылками на судебную практику, которую я сам недавно изучал. В её голосе не было ни капли заискивания, но была сталь, та самая, которую я ценил больше всего.

— Вы понимаете, что здесь не будет времени на раскачку?
— спросил я, намеренно жёстко.

— Что если вы ошибётесь, это будет стоить компании миллионов?

— Понимаю! — ответила она, не отводя взгляда.

— Поэтому я постараюсь не ошибаться.

И в этой фразе не было бравады. Была холодная уверенность человека, который знает цену своим словам.

Я кивнул. Сам не зная почему.

И она не подвела. За первый же месяц она закрыла три критических договора, нашла лазейку в формулировках, которая спасла нас от иска, и при этом не стала той, кто приходит ко мне с каждым чихом. Она приходила только тогда, когда действительно нужно было решение на моём уровне. И каждый раз, с готовыми вариантами, а не с проблемами.

А потом было то совещание по тендеру.

Я привык, что в зале переговоров, тишина наступает не по воле обстоятельств, а по моему слову. Один взгляд и даже самые упрямые сотрудники, вдруг находят срочную необхо-

димось уткнуться в бумаги. Сегодня эта тишина пришла не по моей воле. Она ворвалась вместе с ней, с Ариадной, которую НР зачем-то решил посадить в первый ряд, будто мы здесь устраиваем смотрины, а не решаем судьбу миллиардов.

Когда она подняла руку, не дожидаясь, пока я закончу фразу, я на секунду подумал, что ослышался. Потом увидел, как она уверенно встаёт, как расправляет плечи, будто этот зал, набитый профессионалами, для неё не страшнее студенческой аудитории. И в этот момент что-то внутри меня щёлкнуло, уже не раздражение, нет. Что-то горячее, почти азартное.

— Простите, Демьян Алексеевич? — её голос прозвучал ровно, без дрожи.

— Но пункт о досрочном расторжении контракта с подрядчиком противоречит не только внутренним регламентам, но и статье 782 Гражданского кодекса. Мы не можем так рисковать.

В зале кто-то нервно кашлянул. Кто-то, кажется, даже отодвинул стул, будто собирался встать и увести её отсюда, пока я не взорвался.

А я не взорвался. Я смотрел на неё и чувствовал, как по позвоночнику ползёт эта странная смесь ярости и восхищения. Никто не спорил со мной на совещании. Никто. Даже те, кто был прав, предпочитали дожидаться окончания встречи и шепнуть своё «но» в коридоре. А она прямо здесь, при всех.

— Вы уверены? — спросил я, нарочно медленно, растя-

живая слова, будто давал ей шанс отступить.

— На сто процентов! — ответила она, не отводя взгляда.

И вот тогда тишина стала звенящей. Такой, что слышно было дыхание. Я не любил, когда меня ставили в такое положение. Но ещё больше я не любил, когда кто-то оказывался настолько смелым, что переступал черту и делал это с такой грацией, будто это и была его настоящая территория.

— Оставьте свои замечания в письменном виде! — сказал я, наконец, и сел, давая понять, что тема закрыта.

Но краем глаза я всё равно следил за ней, как она садится, как поправляет папку, как её пальцы чуть дрожат, когда она записывает что-то в блокнот. Дрожат, но не от страха. От адреналина.

После встречи меня перехватил мой зам, Олег Спицин, с привычным набором тревожных новостей, что пресса снова копает под сделку с «Норд-Строем», а через неделю к нам должны приехать заграничные гости, наши будущие заказчики из Китая. Они хотят заключить с нами большой контракт для постройки недвижимости в Москве.

— Демьян, китайцы сам понимаешь народ, который любит традиционные семейные ценности? — начинает говорить он и мне уже не нравится начало разговора.

— Они знают нашу компанию со стороны бизнеса и тебя, как человека, с которым можно вести дела. Но проблема в том, что ты одинок. А у них это чуть ли не главный приоритет при заключении контракта!

— А ты должен понимать, что эта может всё сорвать! Поэтому нужно на время тебе найти достойную девушку и на время, чтобы она стала твоей невестой? — говорит он, нервно теребя галстук.

Я слушаю его вполуха, пока в голове крутится одна мысль, достойная девушка.

— Олег ты совсем меня за идиота держишь? Из-за каких-то узкоглазых я буду, пусть даже на время искать себе невесту? — повышаю я на него голос и сажусь устало в кресло.

— Демьян, ты хочешь получить этот контракт или нет, я не пойму? — возмущённо причитает он, а у меня в голове, тут же всплывает образ Ариадны, её прямой взгляд, сжатые губы, папка с пометками, которые она наверняка уже отправила мне на почту.

Идея приходит внезапно, как это часто бывает, когда безысходность встречается с наглостью.

— Найди её! — бросаю я Олегу, который не понимающе на меня смотрит.

— Кого?

— Эту новенькую, Петрову, юристку!

— Скажи срочно вызываю к себе по делу! — говорю я ему и пододвигаю кресло ближе к столу, давая понять, что разговор закончен.

Олег хлопает глазами и потом до него начинает немного доходить, что я хочу сделать.

— А я тоже кстати на неё подумал сначала! — отвечает он и я вскинув на него взгляд,вижу его ухмылку.

— Ты чё лыбишься,зови давай!Подумал он! — чуть ли не рывкаю я и он испаряется с горизонта.

Глава 4 Демьян

Через двадцать минут Ариадна стояла в моём кабинете, всё такая же собранная, но теперь в её глазах читался вопрос: «Сейчас будет выговор?»

— Вы хорошо знаете законы, Ариадна! — начал я, не предлагая ей сесть.

— И, кажется, не боитесь их применять.

— Стараюсь. — коротко ответила она.

— У меня к вам деловое предложение.

Она чуть нахмурилась, будто пыталась угадать подвох.

— Через неделю в Москву приезжает делегация из Китая для заключения с нашей компанией большого контракта. Но, чтобы этот контракт был заключён, у них есть одно дурацкое условие! Чтобы у меня была невеста.

— И я хочу, чтобы вы были в её роли на две недели. Никаких обязательств. Просто улыбаться, держаться около меня, играть роль, чтобы они поверили.

Её глаза расширились, не от восторга, а от шока.

— Вы шутите.

— Я никогда не шучу в таких вопросах! — ответил я.

— И это не просьба. Это предложение, от которого вам, возможно, не стоит отказываться. Я закрою глаза на сегодняшнюю выходку на совещании, а вы поможете мне сохранить лицо.

Я видел, как в её глазах мелькнуло что-то вроде обиды, не от страха, а от того, что её, профессионала, пытаются превратить в декорацию. И эта вспышка только сильнее зацепила меня, Ариадна не хотела быть украшением, она хотела быть равной. А в моём мире равных почти не осталось.

— Вы серьёзно? — голос её звучал ровно, но в нём пробивалась сталь, будто она уже мысленно составляла список возражений, опираясь на какой-нибудь пункт Гражданского кодекса.

— Вы хотите, чтобы я притворялась вашей невестой?

Я шагнул вперёд, сам не осознавая, что делаю, и остановился в шаге от неё, достаточно близко, чтобы видеть, как в её глазах мелькает не страх, а упрямое, горячее нежелание быть пешкой.

— Серьёзно. — отрезал я.

— И не надо смотреть на меня так, будто я предлагаю нарушить закон. Это не преступление. Это бизнес.

Она чуть наклонила голову, точно взвешивала каждое слово, как перед тем, как подписать договор.

— А если я откажусь? — спросила она спокойно.

— Что тогда?

В её вопросе не было вызова, только холодный расчёт. И это ударило по самому больному, я вдруг понял, что не хочу, чтобы она отказалась. Не потому, что контракт с китайцами был так важен, хотя был. А потому, что впервые за долгое время рядом со мной стоял человек, который не боялся

смотреть мне прямо в глаза.

Я усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья, скорее горькая ирония над самим собой.

— Тогда я приму ваш отказ. — ответил я, и сам удивился, насколько искренне это прозвучало.

— Но я прошу не как начальник. Я прошу как человек, которому сейчас нужна помощь.

Ариадна вздрогнула, едва заметно, но я уловил. В её мире «начальник» и «человек» были разными категориями, и смешивать их не полагалось.

— Помощь? — переспросила она, будто проверяя, не ослышалась ли.

— В том, чтобы лгать?

— В том, чтобы спасти компанию! — поправил я.

— Китайцы мыслят категориями доверия. Для них семья — это знак стабильности. Знак, что человек не сорвётся, не предаст, не уйдёт в пике. Они не заключают сделки с одиночками. А я сейчас одиночка. И этот факт может стоить нашей компании миллиардов.

Она замолчала, и в этой тишине я услышал то, чего не слышал годами, не ожидание приказа, а попытку понять.

— И вы предлагаете мне две недели изображать этот цирк? — наконец сказала она.

— Не цирк! А быть собой. Не изображать влюблённую дурочку. Они сразу почувствуют фальшь. Мне нужна женщина, которая знает себе цену. Которая не будет опускать глаза,

когда на неё смотрят. Которая сможет поддержать разговор о контракте, если вдруг спросят.

Её губы чуть дрогнули, то ли в попытке сдержать улыбку, то ли в попытке скрыть раздражение.

— То есть вы хотите, чтобы я была вашей невестой, но при этом оставалась юристом? — уточнила она с лёгкой иронией.

— Именно! — я позволил себе едва заметную улыбку.

— Потому что только так это будет выглядеть правдоподобно.

Она снова замолчала, и я вдруг почувствовал, как внутри всё сжалось в тугую узел. Я, который годами принимал решения, от которых зависели судьбы тысяч людей, сейчас стоял и ждал ответа от одной-единственной девчонки, и этот ответ почему-то казался важнее всех контрактов вместе взятых.

— Хорошо. — наконец произнесла она, и каждое слово звучало как пункт договора.

— Я соглашусь. Но на моих условиях.

Я приподнял бровь, не скрывая удивления.

— Слушаю.

— Никаких сцен! — твёрдо сказала она.

— Никаких демонстративных жестов, никаких попыток убедить всех, что мы безумно влюблены.

Я посмотрел ей прямо в глаза и тихо произнёс:

— Договорились. Но надо будет ещё обсудить все предпочтения друг друга, чтобы перед китайцами не выглядеть глупо.

Она слегка кивнула, словно принимая это как новый пункт в контракте, и спросила:

— Когда начинается наша «игра»?

— Через пять дней. Я выберу время, Ариадна, и мы обсудим это! — ответил я.

Когда она вышла, я остался стоять у окна, чувствуя, как в груди разгорается что-то, чему я не хотел давать название. Две недели. Одна роль. Но что-то подсказывало мне, что эта игра выйдет из-под контроля гораздо быстрее, чем я рассчитывал.

Глава 5 Ариадна

После того, как я вышла из переговорной, меня всё ещё трясло.

Я шла по коридору, а внутри всё дрожало так, будто я пробежала десять километров без остановки. Ноги были ватными, в висках стучало, и каждый шаг давался с усилием, словно пол под ногами стал вязким, как болото. В голове крутилась одна и та же фраза, повторяясь, как заезженная пластинка:

«Зачем ты опять начала что-то доказывать? И кому, самому генеральному?»

Я ведь знала, что в «ДемСтрое» не любят тех, кто спорит с Савельевым. Но когда я увидела этот контракт, когда поняла, что он собирается подписать бомбу, которая разнесёт репутацию компании в клочья, язык будто сам вырвал эти слова:

«Это противоречит статье 782 ГК РФ».

И теперь эта фраза звенела в ушах, как приговор.

«Ну всё, он меня точно уволит!» — думала я, и от этой мысли становилось одновременно горько и спокойно.

Горько, потому что эта компания, был мой шанс стать профессионалом своего дела. Спокойно, потому что, если меня уволят за то, что я не промолчала, когда должна была сказать правду, значит, я хотя бы осталась собой.

— Ариадна, бегом к генеральному, у него есть к тебе пара вопросов! — голос заместителя Спицина, ворвался в мой водоворот мыслей, как холодный душ.

Я вздрогнула, будто меня ударили. Повернувшись, увидела его озабоченное лицо, и внутри всё сжалось в тугую узел.

«Ну всё, что и требовалось доказать, точно уволит!» — подумала я.

Но я не могла позволить себе рассыпаться прямо здесь, в кабинете, под взглядами коллег, которые и так уже шептались за спиной:

«Эта Петрова опять что-то там вякнула на совещании... Ну всё, недолго ей осталось».

Я расправила плечи, поправила очки и ответила:
— Иду.

Путь до кабинета генерального казался бесконечным. Каждый метр был как испытание. Я вспоминала, как когда-то в школе доказывала, что «это не по правилам», как сидела над учебниками до рассвета, как экономила на обедах, чтобы выжить в вузе. Всё это вело меня в такой вот сверкающий, холодный, чужой небоскрёб, где я наконец-то получила место, которое заслужила.

И вот теперь, возможно, всё рушилось из-за одного единственного моего слова.

Когда я вошла, он стоял у окна, высокий, статный, будто высеченный из камня. Не предложил сесть. Не улыбнулся. Просто смотрел на меня так, что хотелось провалиться

сквозь землю. Но я не опустила глаз. Я научилась не опускать их, даже когда страшно до дрожи.

А потом он заговорил про китайцев, про контракт, про дурацкое условие, про невесту... и моё сердце, которое и так билось где-то в горле, вдруг замерло.

«Притворяться невестой?» — эта мысль казалась настолько абсурдной, что на секунду даже страх отступил, вытесненный чистым, почти детским недоумением. Как будто кто-то предложил мне надеть карнавальный костюм и выйти на сцену перед залом, полным строгих судей.

Но чем дольше он говорил, тем яснее становилось, это не шутка. Не проверка. Это его последняя надежда удержать сделку, которая может стоить компании миллиардов. И в его словах, в этой жёсткой, деловой интонации, вдруг проскользнуло что-то другое, не приказ, не давление, а просьба. И это поразило меня сильнее всего.

Демьян Савельев, человек, который, казалось, не нуждается ни в ком, вдруг просил помощи. У меня. У простой девчонки, которую ещё недавно он мог просто вычеркнуть из списка сотрудников одним словом.

Я хотела сказать нет. Хотела гордо выпрямиться и ответить:

«Я юрист, а не актриса».

Но слова застряли в горле. И я согласилась. Почему я не знала. Наверно потому, что хотела ему доказать, что не боюсь его, а может быть потому, что что-то было в этом мужчи-

не, что заставило меня согласиться на его нелепый контракт.

Выйдя из кабинета, я чувствовала себя человеком, который только что взял на себя огромную ответственность. Две недели. Роль. Игра. Но в этой игре нельзя было позволить себе ни одной ошибки.

Я знала, что впереди мне придётся балансировать между правдой и ложью, между профессионализмом и игрой.

Но с одной стороны, не пожалею ли я о том, что согласилась на эту безумную сделку? А с другой, две недели, не месяц и не год. И ради того, чтобы остаться работать в этой компании, я переживу как-нибудь общество всемогущего Демьяна. Но что это мне будет стоить?

Остаток рабочего дня прошёл спокойней, чем начало. Вечером, когда я уже была в своей съёмной квартире, позвонила мама. Мы с ней поговорили о разном и я пообещала приехать на выходные к ним с отцом, помочь с работой в саду.

Глава 6 Ариадна

После того, как я вышла из переговорной, меня всё ещё трясло.

Я шла по коридору, а внутри всё дрожало так, будто я пробежала десять километров без остановки. Ноги были ватными, в висках стучало, и каждый шаг давался с усилием, словно пол под ногами стал вязким, как болото. В голове крутилась одна и та же фраза, повторяясь, как заезженная пластинка:

«Зачем ты опять начала что-то доказывать? И кому, самому генеральному?»

Я ведь знала, что в «ДемСтрое» не любят тех, кто спорит с Савельевым. Но когда я увидела этот контракт, когда поняла, что он собирается подписать бомбу, которая разнесёт репутацию компании в клочья, язык будто сам вырвал эти слова:

«Это противоречит статье 782 ГК РФ».

И теперь эта фраза звенела в ушах, как приговор.

«Ну всё, он меня точно уволит!» — думала я, и от этой мысли становилось одновременно горько и спокойно.

Горько, потому что эта компания, был мой шанс стать профессионалом своего дела. Спокойно, потому что, если меня уволят за то, что я не промолчала, когда должна была сказать правду, значит, я хотя бы осталась собой.

— Ариадна, бегом к генеральному, у него есть к тебе пара вопросов! — голос заместителя Спицина, ворвался в мой водоворот мыслей, как холодный душ.

Я вздрогнула, будто меня ударили. Повернувшись, увидела его озабоченное лицо, и внутри всё сжалось в тугую узел.

«Ну всё, что и требовалось доказать, точно уволит!» — подумала я.

Но я не могла позволить себе рассыпаться прямо здесь, в кабинете, под взглядами коллег, которые и так уже шептались за спиной:

«Эта Петрова опять что-то там вякнула на совещании... Ну всё, недолго ей осталось».

Я расправила плечи, поправила очки и ответила:
— Иду.

Путь до кабинета генерального казался бесконечным. Каждый метр был как испытание. Я вспоминала, как когда-то в школе доказывала, что «это не по правилам», как сидела над учебниками до рассвета, как экономила на обедах, чтобы выжить в вузе. Всё это вело меня в такой вот сверкающий, холодный, чужой небоскрёб, где я наконец-то получила место, которое заслужила.

И вот теперь, возможно, всё рушилось из-за одного единственного моего слова.

Когда я вошла, он стоял у окна, высокий, статный, будто высеченный из камня. Не предложил сесть. Не улыбнулся. Просто смотрел на меня так, что хотелось провалиться

сквозь землю. Но я не опустила глаз. Я научилась не опускать их, даже когда страшно до дрожи.

А потом он заговорил про китайцев, про контракт, про дурацкое условие, про невесту... и моё сердце, которое и так билось где-то в горле, вдруг замерло.

«Притворяться невестой?» — эта мысль казалась настолько абсурдной, что на секунду даже страх отступил, вытесненный чистым, почти детским недоумением. Как будто кто-то предложил мне надеть карнавальный костюм и выйти на сцену перед залом, полным строгих судей.

Но чем дольше он говорил, тем яснее становилось, это не шутка. Не проверка. Это его последняя надежда удержать сделку, которая может стоить компании миллиардов. И в его словах, в этой жёсткой, деловой интонации, вдруг проскользнуло что-то другое, не приказ, не давление, а просьба. И это поразило меня сильнее всего.

Демьян Савельев, человек, который, казалось, не нуждается ни в ком, вдруг просил помощи. У меня. У простой девчонки, которую ещё недавно он мог просто вычеркнуть из списка сотрудников одним словом.

Я хотела сказать нет. Хотела гордо выпрямиться и ответить:

«Я юрист, а не актриса».

Но слова застряли в горле. И я согласилась. Почему я не знала. Наверно потому, что хотела ему доказать, что не боюсь его, а может быть потому, что что-то было в этом мужчи-

не, что заставило меня согласиться на его нелепый контракт.

Выйдя из кабинета, я чувствовала себя человеком, который только что взял на себя огромную ответственность. Две недели. Роль. Игра. Но в этой игре нельзя было позволить себе ни одной ошибки.

Я знала, что впереди мне придётся балансировать между правдой и ложью, между профессионализмом и игрой.

Но с одной стороны, не пожалею ли я о том, что согласилась на эту безумную сделку? А с другой, две недели, не месяц и не год. И ради того, чтобы остаться работать в этой компании, я переживу как-нибудь общество всемогущего Демьяна. Но что это мне будет стоить?

Остаток рабочего дня прошёл спокойней, чем начало. Вечером, когда я уже была в своей съёмной квартире, позвонила мама. Мы с ней поговорили о разном и я пообещала приехать на выходные к ним с отцом, помочь с работой в саду.

Глава 7 Ариадна

После того, как я вышла из переговорной, меня всё ещё трясло.

Я шла по коридору, а внутри всё дрожало так, будто я пробежала десять километров без остановки. Ноги были ватными, в висках стучало, и каждый шаг давался с усилием, словно пол под ногами стал вязким, как болото. В голове крутилась одна и та же фраза, повторяясь, как заезженная пластинка:

«Зачем ты опять начала что-то доказывать? И кому, самому генеральному?»

Я ведь знала, что в «ДемСтрое» не любят тех, кто спорит с Савельевым. Но когда я увидела этот контракт, когда поняла, что он собирается подписать бомбу, которая разнесёт репутацию компании в клочья, язык будто сам вырвал эти слова:

«Это противоречит статье 782 ГК РФ».

И теперь эта фраза звенела в ушах, как приговор.

«Ну всё, он меня точно уволит!» — думала я, и от этой мысли становилось одновременно горько и спокойно.

Горько, потому что эта компания, был мой шанс стать профессионалом своего дела. Спокойно, потому что, если меня уволят за то, что я не промолчала, когда должна была сказать правду, значит, я хотя бы осталась собой.

— Ариадна, бегом к генеральному, у него есть к тебе пара вопросов! — голос заместителя Спицина, ворвался в мой водоворот мыслей, как холодный душ.

Я вздрогнула, будто меня ударили. Повернувшись, увидела его озабоченное лицо, и внутри всё сжалось в тугую узел.

«Ну всё, что и требовалось доказать, точно уволит!» — подумала я.

Но я не могла позволить себе рассыпаться прямо здесь, в кабинете, под взглядами коллег, которые и так уже шептались за спиной:

«Эта Петрова опять что-то там вякнула на совещании... Ну всё, недолго ей осталось».

Я расправила плечи, поправила очки и ответила:
— Иду.

Путь до кабинета генерального казался бесконечным. Каждый метр был как испытание. Я вспоминала, как когда-то в школе доказывала, что «это не по правилам», как сидела над учебниками до рассвета, как экономила на обедах, чтобы выжить в вузе. Всё это вело меня в такой вот сверкающий, холодный, чужой небоскрёб, где я наконец-то получила место, которое заслужила.

И вот теперь, возможно, всё рушилось из-за одного единственного моего слова.

Когда я вошла, он стоял у окна, высокий, статный, будто высеченный из камня. Не предложил сесть. Не улыбнулся. Просто смотрел на меня так, что хотелось провалиться

сквозь землю. Но я не опустила глаз. Я научилась не опускать их, даже когда страшно до дрожи.

А потом он заговорил про китайцев, про контракт, про дурацкое условие, про невесту... и моё сердце, которое и так билось где-то в горле, вдруг замерло.

«Притворяться невестой?» — эта мысль казалась настолько абсурдной, что на секунду даже страх отступил, вытесненный чистым, почти детским недоумением. Как будто кто-то предложил мне надеть карнавальный костюм и выйти на сцену перед залом, полным строгих судей.

Но чем дольше он говорил, тем яснее становилось, это не шутка. Не проверка. Это его последняя надежда удержать сделку, которая может стоить компании миллиардов. И в его словах, в этой жёсткой, деловой интонации, вдруг проскользнуло что-то другое, не приказ, не давление, а просьба. И это поразило меня сильнее всего.

Демьян Савельев, человек, который, казалось, не нуждается ни в ком, вдруг просил помощи. У меня. У простой девчонки, которую ещё недавно он мог просто вычеркнуть из списка сотрудников одним словом.

Я хотела сказать нет. Хотела гордо выпрямиться и ответить:

«Я юрист, а не актриса».

Но слова застряли в горле. И я согласилась. Почему я не знала. Наверно потому, что хотела ему доказать, что не боюсь его, а может быть потому, что что-то было в этом мужчи-

не, что заставило меня согласиться на его нелепый контракт.

Выйдя из кабинета, я чувствовала себя человеком, который только что взял на себя огромную ответственность. Две недели. Роль. Игра. Но в этой игре нельзя было позволить себе ни одной ошибки.

Я знала, что впереди мне придётся балансировать между правдой и ложью, между профессионализмом и игрой.

Но с одной стороны, не пожалею ли я о том, что согласилась на эту безумную сделку? А с другой, две недели, не месяц и не год. И ради того, чтобы остаться работать в этой компании, я переживу как-нибудь общество всемогущего Демьяна. Но что это мне будет стоить?

Остаток рабочего дня прошёл спокойней, чем начало. Вечером, когда я уже была в своей съёмной квартире, позвонила мама. Мы с ней поговорили о разном и я пообещала приехать на выходные к ним с отцом, помочь с работой в саду.

Глава 8 Ариадна

Я сжала пальцы в кулаки под столом, чтобы он не видел, как они дрожат. В голове крутилась паническая мысль:

" Я не умею играть любовь. Я умею искать дыры в контрактах, договорах, а не придумывать историю первой встречи».

— Вы хотите, чтобы я... придумала историю? — спросила я, стараясь, чтобы голос не сорвался.

— Чтобы выдумала, как мы влюбились друг в друга?

Он помолчал, будто сам чувствовал всю нелепость ситуации, но не мог позволить себе даже тени улыбки.

— Нет. — наконец сказал он.

— Я хочу, чтобы мы показали то, что нужно. Правду, но не всю. Оставим только то, что не помешает сделке. Например, мы познакомились здесь в компании. Ты пришла на собеседование, а я...я заметил тебя...

Я невольно вспомнила тот день, как дрожали колени, как я заставляла себя держать спину прямо, как не отводила взгляд.

— И что дальше? — спросила я, чувствуя, как во рту становится сухо.

— Я вам понравилась? И мы просто... начали встречаться?

Он едва заметно усмехнулся, так, что уголок губ дрогнул

и тут же замер.

— Да! Странная причина, согласен. Но настоящая. — он чуть подался вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я раньше не видела.

Я смотрела на него, не в силах пошевелиться. Эти слова звучали почти как комплимент, но в них не было ни капли флирта, только признание, сухое и жёсткое, как договор.

Я на секунду закрыла глаза, чтобы собрать мысли. И вдруг поняла, если мы будем строить эту ложь на правде, она станет крепче. Не потому что она правдива, а потому что в ней будет зерно того, что уже между нами есть, это противостояние, эта искра, которая вспыхивала каждый раз, когда мы оказывались в одном месте.

— Хорошо. — сказала я, выпрямляясь.

— Тогда добавим ещё одну деталь. Я не сразу согласилась с вами встречаться.

Демьян чуть приподнял бровь, будто оценил мою прямо-ту.

— Точно в вашем стиле! — проговорил он.

— И что я ответил?

— Вы за мной долго ухаживали, что совсем не в вашем стиле! — выпалила я, глядя ему прямо в глаза, и сама порази-лась, с какой дерзкой уверенностью прозвучали эти слова.

Будто не я только что дрожала от одной мысли о завтрашней встрече, а какая-то другая Ариадна, смелая, упрямая, та самая девчонка, что в школе раскладывала аргументы по по-

лочкам и не позволяла никому отменять решения без доказательств.

Демьян замер на долю секунды, так, будто мои слова ударили туда, где пряталась его стальная броня.

— Да! — тихо, почти шёпотом произнёс он.

— Это правда. Я не ухаживаю. Я отдаю приказы. Двигаю проекты. А за женщинами... не ухаживаю.

Он встал и медленно обойдя стол, подошёл ко мне, отчего я тоже поднялась, будто сама земля под ногами требовала держать спину прямо.

— Но с тобой всё пошло не по плану! — продолжил он и голос его был с хрипотцой, от чего по моему телу прошла опять эта дрожь, но она была не от испуга. Она была как ток, как искра, которая вспыхивает там, где сталкиваются две противоположности.

Он остановился в шаге от меня. Не близко, чтобы нарушить границы, но и не так далеко, чтобы можно было притвориться, что между нами только деловые отношения. Я видела, как напряжены его плечи, как в глазах мелькает что-то, чего я раньше не замечала, не властность, не холодный расчёт, а... борьба. Борьба человека, который слишком долго держал всё в себе.

Он взял мою руку в свою ладонь и я дёрнулась, будто от разряда. Не от страха, нет. От того, как внезапно, резко, до самого дна пробила эта простая, почти грубоватая близость. Его ладонь была твёрдой, тёплой, тяжёлой.

И в его взгляде не было злости. Там было что-то, что он так хотел скрыть, беззащитность, которую он прятал за статью и приказами.

— Да, пожалуй, мы эту версию им и предоставим! — говорил он, не отпуская моей руки, и голос его звучал жёстко, будто он нарочно делал его таким, чтобы спрятать то, что рвалось наружу.

— Но запомни, девочка, это всего лишь контракт. И не смей в меня влюбляться. Две недели. А потом мы снова, я генеральный, а ты моя подчинённая.

Он произнёс это так, будто говорил это больше себе, чем мне. Будто ему нужно было самому себе напомнить, где граница. Будто если он хоть на секунду позволит себе забыть, что это сделка, всё разрушит.

Я смотрела на него и вдруг поняла, он боится. Не китайцев, не сделки, не провала. Он боится того, как близко мы сейчас стоим друг к другу. Боится, что эта близость окажется настоящей.

— Не обольщайтесь! Я не собираюсь в вас влюбляться Демьян Алексеевич! — ответила я тихо, но твёрдо, и в этих словах не было обиды.

Только честность, такая же неудобная, как его признание.

— И вообще у меня есть парень и я его люблю!

Я выпалила это про парня, про любовь и сама не поняла, откуда взялись эти слова. Они сорвались с языка раньше, чем я успела их обдумать, будто мне вдруг стало жизненно

необходимо возвести между нами хоть какую-то стену, чтобы не рухнуть под тяжестью его взгляда.

Демьян замер. Его пальцы на моей руке чуть дрогнули, совсем незаметно, но я почувствовала.

— Парень, значит. — повторил он, и голос его стал ровным, отстранённым, почти деловым.

Я кивнула и высвободила свою руку из его ладони. И отступила на полшага, отчего сразу стало легче дышать. Но в то же время внутри всё сжалось от какой-то странной, колючей пустоты, будто я сама разорвала ту самую искру, которая только-только начала разгораться между нами.

— Да. — проговорила я чуть резче, чем хотела, и тут же мысленно выругала себя за эту резкость.

— Хорошо. — сказал Демьян и в этом слове не было ни облегчения, ни радости, ни даже безразличия.

Там была какая-то странная, упрямая собранность, будто он просто принял ещё одно условие сделки и теперь будет строить стратегию с учётом этого нового фактора.

— Тогда тебе будет проще. Не придётся искать грань между игрой и настоящими чувствами. У тебя уже есть эта грань.

— Проще. — тихо повторила я, почти шёпотом, и сама не поверила в это слово. Он вдруг подался вперёд, упёр локти в стол и посмотрел на меня так, что у меня перехватило дыхание.

— Девочка, послушай меня внимательно. Завтра партнёры будут смотреть не на то, как ты улыбаешься. Они будут

смотреть на то, как ты на меня смотришь. На то, как ты реагируешь, когда я к тебе прикасаюсь. И если ты будешь думать о своём парне, если ты мыслями будешь где-то далеко, они всё поймут. И сделка сорвётся.

Его слова ударили точно в самое уязвимое место. Я сжала пальцы в кулаки и заставила себя смотреть ему прямо в глаза.

— Я буду думать только о сделке. О том, что нужно сказать, как посмотреть, как улыбнуться. Я справлюсь. — сказала я твёрдо, хотя сама не знала, смогу ли сдержать это обещание

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.